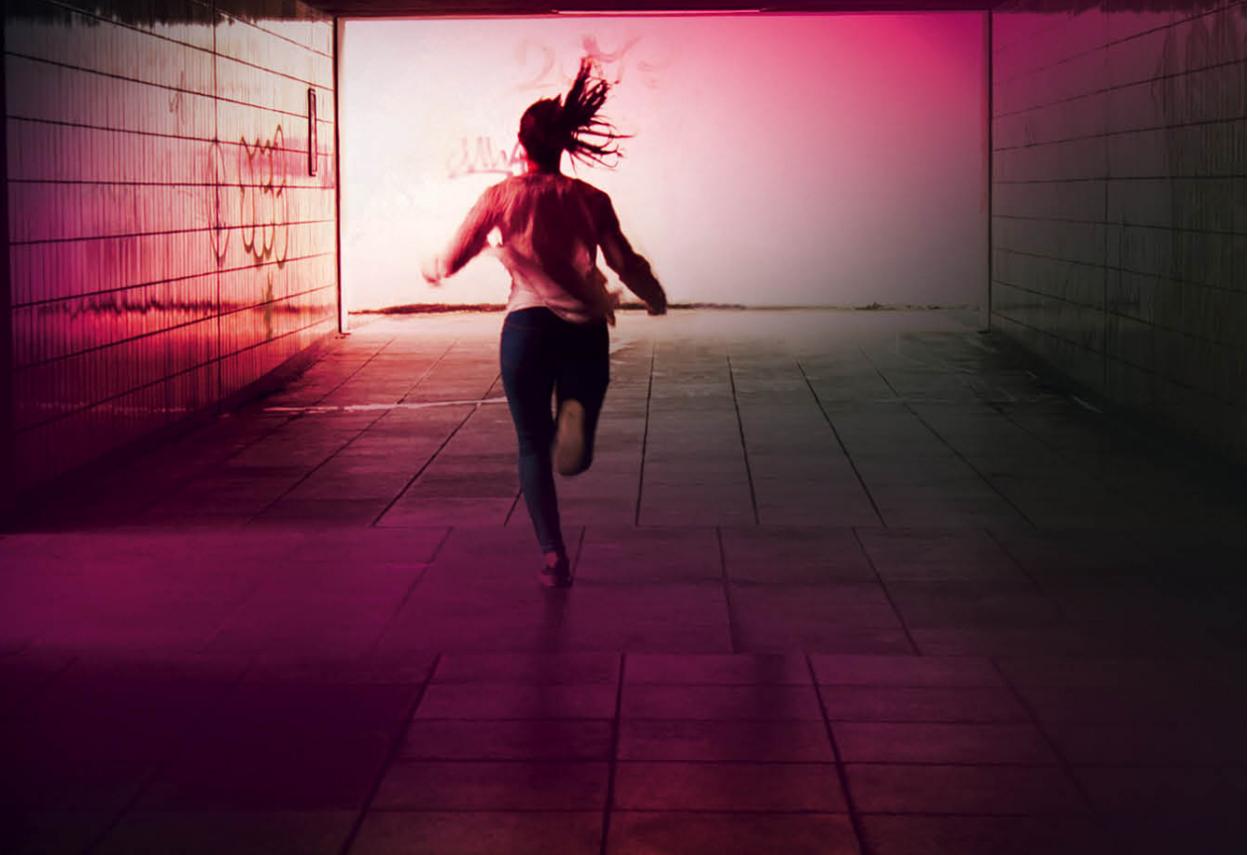

Эбигейл Джонсон

ДЕВУШКА В БЕГАХ

«Мое сердце бешено колотилось: тайны, напряженная атмосфера и романтика. ВОСТОРГ!» – ДАНИЭЛЬ ПЕЙДЖ, автор бестселлера «Дороти должна умереть»

Young Adult. Что скрывает ложь. Триллеры

Эбигейл Джонсон

Девушка в бегах

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джонсон Э.

Девушка в бегах / Э. Джонсон — «Эксмо», 2020 — (Young Adult.
Что скрывает ложь. Триллеры)

ISBN 978-5-04-121108-0

Семнадцатилетняя Кэйтelin живет с матерью, которая установила строгие правила. У девушки нет мобильного телефона и друзей, она не ходит в школу и получает домашнее образование. Чтобы добиться какой-то свободы и отвлечь мать, Кэйтelin создает для нее профиль на сайте знакомств. Но с этого момента в жизни Кэйтelin начинают происходить неожиданные события: преследование неизвестными, исчезновение матери. Теперь девушка спасается бегством и должна раскрыть тайны прошлого своих родителей.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-121108-0

© Джонсон Э., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Обнаружение	6
Бегство	12
Дорога	15
Укрытие	17
Выход	21
Попытка скрыться	25
Уклонение от опасности	27
Выжидание	30
Допрос	32
Заложник	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эбигейл Джонсон

Девушка в бегах

Посвящается Рори

*Ты был милым мальчишом и добрым ребенком, и я знаю, что ты
вырастешь самым замечательным мужчиной.*

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2021

Обнаружение

Эйден не смотрит фильм.

Когда я понимаю, что он даже не пытается делать вид, что смотрит, по коже разливается тепло.

– Знаешь, ты же сам это выбрал, – я указываю пальцем на свой ноутбук. – Ты же сам говорил: «Не могу поверить, что ты прожила в Нью-Джерси уже почти год и до сих пор так и не посмотрела «Garden State»?¹

Едва я успеваю произнести эти слова, пальцы Эйдена касаются моего подбородка, и он наклоняется, чтобы поцеловать меня. Это приятный поцелуй – такой, от которого покалывает кожу и весь мир растворяется, пока на планете не останемся лишь мы двое. Свободной рукой Эйден обнимает меня за талию, притягивает к себе, и я негромко выдыхаю. Я могла бы отдаваться ему полностью – если бы позволила себе.

Мысль об этом внезапно заставляет меня вернуться в реальность, и я выбираюсь из объятий Эйдена – а потом мы снова неловко усаживаемся рядом в кресле для чтения, рассчитанном только на одного человека. Это кресло, моя кровать, стол и тумбочка из секонд-хенда – больше мебели в комнате не было, – если не считать коробок, которые я так и не удосужилась распаковать.

Эйден отпускает меня, не возражая, – быть может, даже чересчур легко, – и лишь поднимает бровь.

– Ты маму услышала или что?

Покачав головой, я перебираюсь на мягкий подлокотник, устраиваясь так, чтобы мы не прижимались друг к другу.

– Она ушла в лучшем случае час назад. Даже для нее это было бы рекордно короткое первое свидание.

Но все-таки мне хочется выглянуть в окно, и он это понимает.

Эйден крутит в руках нитку, которая болтается на протертой коленке моих джинсов. Непринужденность, с которой он касается меня, отчетливо выдает: он мой парень. Я невольно вздрагиваю, и это заставляет меня чуть отодвинуть ногу.

– Разве будет так ужасно, если она узнает обо мне? – говорит он. – Ну то есть технически же мы уже встречались.

Он бросает взгляд на походные ботинки, стоящие рядом с моим шкафом, – он продал их нам с мамой четыре месяца назад, перед тем как мы летом отправились в национальный парк Смоки-Маунтинс². Я бы предпочла поехать в Диснейленд, но в толпе мама сходит с ума от паники, так что она неожиданно подарила мне поездку в Смоки-Маунтинс и недельный поход по безлюдным местам, который, как я теперь признаю, оказался в каком-то смысле чудесным. Как и симпатичный продавец в магазине спортивных товаров REI³, небрежно сунувший мне свой номер телефона, пока мама изучала походные горелки.

Я прикусываю губу, пытаясь придумать, как сказать, что да, если мама узнает о нем, это будет ужасно, но при этом не произносить слово «да». Останавливаюсь на таком варианте:

– Дело не в тебе.

В ответ Эйден медленно кивает:

---

¹ «Страна Садов» – фильм, вышедший в 2004 году, где режиссером, сценаристом и исполнителем главной роли выступил Зак Брафф, известный по сериалу «Клиника».

² Самый знаменитый и самый посещаемый национальный парк США с самой длинной пешеходной тропой в мире.

³ REI – американская корпорация, оказывающая услуги в сфере розничной торговли и отдыха на природе. Продает спортивные товары, туристическое снаряжение и одежду.

– Верно.

– Вовсе нет, – я тянусь к руке, которую он отдернул. – Дело даже не в ней. Дело во мне. Он безрадостно улыбается мне.

– Стыдишься меня, да? Нет, я понимаю. Парни, которые работают волонтерами в приютах для животных, обычно редкостные козлы.

– Нет, – я позволяю себе изогнуть губы в улыбке. – Но иногда от них несет кошачьей мочой.

Эйден внезапно разражается взрывом искреннего смеха.

– Серьезно? Я постараюсь получше за этим следить.

Я наклоняюсь вперед, чтобы легонько поцеловать его в щеку, и чувствую легкий аромат чего-то свежего и лесного – и уж точно не кошачьей мочи. Я начинаю вставать, и Эйден тянет меня назад.

– А в чем тогда дело? – его голос нежен, как его прикосновения. – Ведь я все жду, что однажды ты просто начнешь игнорировать меня, и я готов признать – это будет очень отстойно. – Его ладонь скользит по моей. – Кэйтлин, ты мне нравишься. Ничего страшного, если ты нравишься мне больше, чем я тебе, но скажи мне, что я не впustую трачу здесь время.

Теперь в Эйдене не осталось ни грамма юмора, который с самого начала очаровал меня. Мы всегда общались легко и весело. А сейчас он выглядит так, словно слова, которые я сейчас произнесу, могут вознести его до небес или раздавить.

И то, что я скажу, его раздавит. Это неизбежно случится – пусть и не специально, пусть даже это причинит боль и мне. Дело вовсе не в том, что Эйден плохой человек, – думаю, тот факт, что он оказался в моей комнате, несмотря на все маминые запреты, говорит сам за себя. Как и тот факт, что он не стал возмущаться и лишь отпустил милую шутку про Рапунцель, когда я сказала, что ему придется залезть по водосточной трубе и тайком пробраться в мою спальню, если он хочет меня увидеть. Я не могла рисковать, позволив ему войти через парадную дверь, как нормальный человек. (От мамы вполне можно было ожидать, что она оставит на двери какую-нибудь незаметную метку, проверяя, не заходил ли ко мне кто-нибудь, пока ее нет.)

Пожалуй, мне стоит подробнее рассказать про маму.

Она замечательная и веселая – но почти все время ее сводят с ума ужасные мысли о том, что со мной случится что-нибудь жуткое. Думаю, это связано с тем, в какой обстановке она выросла. Она не слишком распространялась о своем прошлом. Но я все же знаю, что, когда ей было три года, мать оставила ее у порога трейлера, где жил ее ничего не подозревающий отец. Мать она больше никогда не видела, а родительские навыки отца сводились в основном к тому, что он обычно не забывал ее кормить. Он умер незадолго до моего рождения, так что я никогда не встречалась с ним. Однако, учитывая, что моя мама росла почти без присмотра родителей, в ее отношениях со мной маятник до предела качнулся в другую сторону.

Еще несколько лет назад мне разрешалось пользоваться компьютером только для учебы – а училась я дома. И я думаю, что главной причиной, по которой мама в итоге сдалась и разрешила мне ходить в обычную школу, стали не мои мольбы, а ее страх перед алгеброй. Впрочем, честно говоря, моя голодовка, наверное, тоже повлияла.

Немного больше времени мне понадобилось, чтобы добиться разрешения пользоваться мобильным телефоном – этого я достигла, распечатав в школе подборку новостей о детях, которых похитили и которые спаслись, позвав на помощь с помощью мобильника. Были ли среди этих историй те, которые я написала сама, использовав готовые шаблоны поддельных газет, скачанные в сети? Возможно. Но иногда маму нужно подтолкнуть, чтобы она обуздала свой суперпараноидальный образ мыслей, который определял ее отношение ко мне – и заставлял всегда держать меня в пузыре.

Я узнала, что лучший способ получить то, что я хочу, – либо убедить ее, что мне будет угрожать большая опасность, если она не прислушается к моим предложениям (например, по поводу обычной школы или мобильного телефона), либо просто утаить от нее несколько безобидных деталей (например, в случае с Эйденом).

Мне кажется, что она часто понимает, что я кое-где срезаю углы, не до конца соблюдая ее правила. Но мне нравится думать, что она хоть чуть-чуть гордится мной, когда я догадываюсь, как обойти одно из них. При этом я не настолько глупа, чтобы хвастаться ей знакомством с Эйденом. Поэтому я буквально спихиваю его с кресла, услышав, как внизу открывается входная дверь.

Она побила свой рекорд. Еще даже нет девяти.

– Кэйтelin?

– У себя! – отвечаю я, тут же вскакиваю и толкаю Эйдена к окну.

– И это весь ответ? – В его голосе звучит насмешка, и я обращаю на нее внимание только потому, что у него хватает ума говорить шепотом.

– Знаешь, что случилось с предыдущим парнем, которого мама застала в моей комнате?

– Его пригласили на ужин?

– Ему залили лицо перцовой.

И все из-за того, что он пытался украсить мою комнату, чтобы пригласить меня на танец. Бедняга. И я тоже бедняга – в итоге все кончилось тем, что мы с мамой переехали сразу же после этого. Мама утверждала, что эти два события не связаны, но я на этот счет сомневалась.

Она называет это жаждой странствий, но я не знаю точно, что это. Какое-то время она может чувствовать себя совершенно нормально, но однажды я прихожу домой из школы и узнаю, что она уволилась с работы и уже распихала по коробкам половину наших вещей – а неупакованное сложила в моей комнате. В дом на две квартиры, где мы жили сейчас, мы въехали примерно год назад, и я надеялась задержаться здесь по меньшей мере до окончания школы. Но для этого нужно было заставить маму обзавестись в Бриджтоне какими-то связями, чтобы ей не захотелось уезжать отсюда в следующий раз, когда ее одолеет жажда странствий.

Моим самым большим достижением в прошлом году было то, что я убедила ее начать ходить на свидания – она не делала этого с тех пор, как умер папа, несмотря на то что приглашали ее часто. Она родила меня, когда ей было всего девятнадцать, так что она была еще молода и выглядела превосходно – благодаря в том числе и тому факту, что мы вместе выходили на пробежку каждое утро. У нее были потрясающие зеленые глаза и густые темно-рыжие волосы, ниспадавшие до середины спины. У меня глаза и волосы были такие же, как у нее, – но выглядели они далеко не так впечатляюще. Главное отличие между нами в том, что у нее кожа светлая и загар к ней не пристает, а у меня – скорее оливковая. Подарок от мужчины, которого я едва помню.

Судя по тому, как она принимается плакать в тех редких случаях, когда мне все-таки удается вывести ее на разговор об отце, я не ожидаю, что она безумно влюбится в кого-то из тех, с кем ходит на свидания, но немного флирта и веселья пойдет ей на пользу. Меня устроит любая причина, которая заставит ее оставаться на одном месте достаточно долго, чтобы оно начало казаться мне домом.

Если она обнаружит Эйдена в моей комнате, грузовик фирмы, организующей переезды, будет стоять у нас во дворе еще до того, как он успеет выбраться из окна.

Я толкаю его еще раз.

– Тебе надо идти.

– Приходи завтра.

– Я... – собираюсь было возразить, потому что понятия не имею, как мне ускользнуть от мамы, но его, кажется, абсолютно устраивает перспектива быть пойманым – и он даже с нетерпением ожидает этого момента. – Ладно.

– Обещаешь?

Я стискиваю зубы почти до скрипа, но осознаю, что он по-прежнему ждет моего ответа на вопрос о том, не впустую ли он тратит со мной время. Я знаю, что хочу ему ответить, но слышу на лестнице мамины шаги и поэтому толкаю его еще раз.

– Обещаю.

Забравшись в окно, он тут же засовывается обратно и, как только я собираюсь отвернуться, целует меня еще раз.

– Иди уже, – шиплю я, заставляя себя не улыбаться. Я позволяю себе выдохнуть, только когда он скрывается по ту сторону рамы, так что я могу закрыть окно и крепко задернуть шторы.

К тому моменту, как мама входит в комнату, я уже сижу за столом, открыв ноутбук – на экране разрешенный сайт, полезный для учебы, – а рядом лежит учебник истории.

– О, привет, секунду, – говорю я, поворачиваю голову, но не отрываю взгляда от страницы, потому что собираюсь изобразить прилежную ученицу. Я буду максимально убедительной. Наконец я торжествующе вздыхаю, будто закончила главу, которую долго читала, и поворачиваюсь лицом к маме, поставив руки на спинку стула и подперев ладонями подбородок.

– Что, новый папа ждет внизу?

В ответ на это мама вздрагивает:

– Молю бога, чтобы он никогда не вздумал оставить потомство. – Затем она хмурится, глядя на меня. – Дорогая, ты в порядке? Ты вся раскраснелась. – Она протягивает руку к моему лицу, чтобы откинуть волосы в сторону и посмотреть поближе. Я отшатываюсь, пытаясь выглядеть не слишком виноватой. Мое лицо обжигают тревога и смущение. Я отсаживаюсь подальше от нее, с непринужденным видом перебравшись на середину кровати.

– Со мной все нормально. Не менять тему. Может, ты слишком преувеличиваешь? Ты же провела в его обществе меньше двух часов. С этим-то что не так?

– Помимо того факта, что он пытался заглянуть в вырез блузки нашей официантки каждый раз, когда та приносила напитки?

– Фу, правда? – Мои плечи расслабляются – теперь, когда она больше не пытается пристально рассматривать меня.

– А потом он даже чаевых ей не оставил.

Я морщусь так сильно, что мне становится почти больно. Для тех, кто не оставляет чаевых, есть отдельный котел в ад. В этом году мама сделала мне еще одно послабление – разрешила подрабатывать официанткой после школы, так что я знала это на собственном опыте. Мамин кавалер мог начать ковыряться в носу за столом, но я все равно бы считала, что главный недостаток его характера – скучность.

Она опирается одной рукой на мою кровать, чтобы снять туфли на каблуках.

– Может, уже решим, что пытаться ходить на свидания после тридцати – это зло, и тогда я смогу просто сдаться?

– Если что-то дается трудно, бросай сразу. Ага, урок усвоен.

Наклонившись назад, мама принимается демонстрировать чудеса гибкости, выбираясь из обтягивающих леггинсов.

– Может, мне больше понравится десяток кошек?

– Мам.

– И я смогу есть глазурь прямо из банки. Знаешь, всегда мечтала именно так и делать.

– Тогда я брошу школу и начну ходить на прослушивания реалити-шоу. Мама, я пойду на шоу «Холостяк». Правда, я это сделаю.

Выбравшись из леггинсов, мама аккуратно сворачивает их и кладет на колени.

– Это так утомляет.

Не уверена, что она имеет в виду – свои неудачи на свиданиях или «Холостяк». Вероятно, и то, и другое. Нам просто нужно немного расширить зону поиска. Я более чем уверена, что ей понравится сюрприз, который я для нее готовлю.

– Ладно, ты не сердись, – произношу я, вскакивая на ноги. – Пусть даже день рождения на следующей неделе *у меня*, я подготовила подарок *тебе*. Я знаю, ты не хочешь, чтобы я что-то публиковала о себе в Сети, потому что ты слишком много смотришь новости. – Я тяну ее за руку, заставляя сесть на стоящее у стола кресло. – А я нет, – быстро добавляю я, заметив, как она начинает бледнеть. – Но ты же взрослая, и я подумала, что ты, может… будешь… более… успешной, – я говорю медленнее и, наклонившись над ней, быстро нажимаю на клавиши в поисках нужного сайта. – Вот оно! Смотри, уже полдесятка сообщений, – я показываю на маленький счетчик на экране и жду, пока с ее лица исчезнет выражение удивления и паники.

Но оно не исчезает.

Она тянется к ноутбуку и спрашивает – ее голос звучит очень глоухо:

– Кэйтelin, что ты наделала?

– Это крайне приличный сайт знакомств для «зрелых взрослых людей, ищущих долгосрочных отношений», – поясняю я, цитируя их слоган. – Я создала профиль для тебя, и там много мужчин, которым ты интересна, несмотря на то что у тебя есть дочка, которой почти семнадцать, и вообще. Смотри, я даже добавила фото, которые мы сделали в день, когда сюда переехали.

– Когда? – она резко хватает меня за запястье и сжимает пальцы почти до боли.

– Я сделала это после того, как ты ушла на свидание. Я подумала… прости. Я все удалю. – Она все преувеличивает. Снова. Я же не раздавала на каждом углу копии ее карты социального обеспечения. Я просто хотела помочь ей сходить на свидание, которое не закончится совместным поеданием мороженого с печеньем и просмотром фильмов с Джейсоном Стейтемом.

Я удаляю ее профиль меньше чем за минуту. Как только я заканчиваю, мама захлопывает крышку ноутбука, вытаскивает из сумочки телефон и сразу же кому-то звонит.

– Это я, – говорит она так спокойно, что у меня волоски на руках встают дыбом. – Возможно, у нас проблема. Мне нужно узнать… – Ее пальцы крепче стискивают телефон. – Как долго?

Еще не успев повесить трубку, она двигается по комнате – распахивает дверь моего шкафа, вытаскивает старый рюкзак, от которого я собиралась избавиться. Затем она принимается выдвигать один ящик за другим, вытаскивать из них одежду и в беспорядке запихивать ее в рюкзак.

– Что ты делаешь?

– Нужно уходить. – Опустошив ящики, она даже не утруждает себя тем, чтобы их закрыть. Эта небрежность со стороны человека, который регулярно гладил мои носки, пугает меня больше, чем ее слова. Я не двигаюсь с места.

– Кэйтelin, надо идти! – Она подходит к столу и дергает меня в сторону с такой силой, что я чуть не падаю на пол. Учебник истории падает со стола, и, когда он с глухим стуком ударяется об пол, мама стискивает мою руку еще сильнее.

– Мама, прекрати! Мы не станем уезжать просто из-за того, что я создала тебе профиль на сайте знакомств. Его больше нет, я удалила. Я понимаю, тебя ужасно пугают такие вещи. – Подняв брови, я добавляю, обращаясь скорее к себе: – Но ты пугаешь меня. – Сердце болезненно колотится в груди. Я как раз собираюсь сказать ей, что схожу в магазин за горячей карамелью к мороженому, пока она примет ванну. Но она не собирается успокаиваться и совершенно не стесняется своего поведения. Она лишь еще сильнее сжимает мою руку.

– Что происходит? – спрашиваю я.

Подняв взгляд, она пристально смотрит мне в глаза – лишь несколько мгновений, но этого достаточно, чтобы придать вес ее словам. Она выпускает мою руку.

– Они нашли нас.

Бегство

– Кто нас нашел? С кем ты говорила?

Я замираю посреди комнаты, но кровь кипит так, будто я только что пробежала марафон. Мама чересчур осторожна, и я привыкла, что она беспокоится о мелочах. Она даже может внезапно приехать за мной посреди ночи, когда я решаю остаться у друзей, или установить следящую программу на мой телефон. Однажды она даже заставила меня «порвать отношения» с лучшей подругой, когда узнала, что ее мама – полицейская и держит дома оружие. И было бесполезно объяснять ей, что оружие хранится в сейфе, а моя подруга не знает даже, где он находится, не говоря уже про код.

Но сейчас... Она не в панике. Она не выглядит испуганной. Она выглядит *пугающе*.

– Забери из ванной только самое нужное. Я все объясню, как только мы сядем в машину.

Я больше не задаю вопросов, потому что замечаю, как ее лоб блестит от пота, как она обходит мою комнату, быстрыми методичными движениями собирая вещи в рюкзак.

Мамина паранойя для меня не новость, но в последнее время мыправлялись весьма неплохо. Да и раньше, даже в худшие моменты, она никогда не вытаскивала меня из дома с собранными вспыхами сумками. Конечно, раньше я всегда следовала ее строгим правилам относительно интернета – ну, по большей части, – но устраивать такой переполох из-за профиля на сайте знакомств?

Это какая-то бессмыслица. Заметив, что я не прониклась ее серьезностью, мама произносит:

– Прямо сейчас. Ты должна довериться мне.

И я подчиняюсь. Я не понимаю, что происходит и почему с ней случился самый невероятный приступ паники за все время, но я понимаю: что-то не так и она делает то, что считает нужным для нашей безопасности.

И пока что этого достаточно.

Протолкнувшись мимо нее в свою ванную, я принимаюсь собирать нужные вещи – но нужные для чего? Как я могу подготовиться к поездке, о которой ничего не знаю? Мама часто дышит, то и дело бросая взгляды в сторону коридора, в направлении своей комнаты. Я замечаю, как в ее лице мелькает выражение уверенности и решительности... но не удивления. Как будто она почти что ждала этого момента.

После этого я больше не медлю. Я выгребаю все с нижней полки аптечки и скидываю в косметичку. В спальню я возвращаюсь одновременно с мамой. Она переоделась в джинсы и темную футболку и тоже собрала вещи. Она подгоняет меня вперед по коридору, вниз по лестнице, через кухню. По пути она зажигает везде свет и, заглянув в комнату, включает телевизор и выкручивает громкость на максимум. Я наблюдаю за ней, словно вижу ее впервые.

Затем мы выходим из дома – не через главный вход, а через заднюю дверь, пробегаем через двор босиком, прямо к деревянному забору высотой в пару метров, отделяющему наш участок от соседского. Мама перекидывает на другую сторону наши ботинки и вещи, а затем нагибается и переплетает пальцы.

– Я тебя подтолкну. – Каждое ее движение напоминает, что медлить нельзя.

Я опираюсь ногой на ее ладони, и она подбрасывает меня вверх с такой силой, что я невольно вскрикиваю. Мама ростом всего полтора метра с небольшим, в ней килограмм пятьдесят едва наберется. Неожиданное проявление силы заставляет мою кровь бежать по жилам еще быстрее.

Доски сильно впиваются в живот, но затем мне удается перекинуть через забор обе ноги и спрыгнуть вниз. Ладони ударяются о мокрую траву, и, прежде чем я успеваю обернуться и

задуматься о том, как мама без посторонней помощи переберется через забор, она уже приземляется рядом со мной.

— Мам, — произношу я, впечатленная увиденным, несмотря на то что паника вот-вот настигнет меня. Словно не слыша, мама хватает меня за руку, едва я успеваю натянуть ботинки. Мы пробегаем еще через один двор, заворачиваем за угол дома и останавливаемся. Мама направляется к входной двери — здесь живет мистер Гиллори.

— Не говори ни слова, — велит она мне, ставит наши рюкзаки так, чтобы их не было видно около двери, и изображает широкую улыбку. Затем она звонит в дверь.

Мистеру Гиллори уже за семьдесят, у него приличное брюшко и густая копна серебристо-белых волос, которые резко контрастируют с его темной кожей. Даже в такое время, открыв дверь, он встречает нас своей обычной дружелюбной улыбкой.

— А, здравствуйте, Мелиssa, Кэйтelin. Чем я могу вам помочь этим замечательным пятничным вечером?

— На самом деле нам немного неудобно, — произносит мама с таким видом, будто ей и правда неловко. — У нас тут вечеринка для девочек, со всякими вредными вкусностями, и мы решили, — она обнимает меня, так что мы легонько стукаемся головами, — что не сможем спать спокойно, пока не съедим столько коричного печенья, сколько весим сами. Не найдется ли у вас лишней чашки сахара? Потом мы с радостью вас угостим!

Мистер Гиллори, похоже, счастлив выдать нам столько сахара, сколько потребуется. Мы идем на кухню следом за ним — точнее, я иду. Мама куда-то пропадает, как только мы переступаем порог. Прежде чем я успеваю озадачиться вопросом о том, нужно ли мне молчать и дальше, она появляется снова. Мистер Гиллори выпрямляется, вытащив из нижнего кухонного шкафчика почти полный пакет сахара.

— Отлично, — мама выхватывает у него пакет — пожалуй, слишком быстро. — Мы занесем печенье завтра.

Как только мистер Гиллори провожает нас до двери и закрывает ее за нами, мама снова подхватывает наши рюкзаки, хватает меня за руку и тянет на тускло освещенную улицу. По пути онасыпает сахар в мусорку и достает из заднего кармана связку ключей. Не ее ключей. Рядом с ними болтаются маленький складной нож и брелок со звездой «Dallas Cowboys»⁴.

Через несколько секунд мама уже открывает водительскую дверь машины мистера Гиллори — винтажного кремового «Меркьюри Комет». Затем она тянется через сиденье и открывает для меня дверь с пассажирской стороны.

— Ты взяла его ключи? Зачем ты это сделала?

В свете фонаря черты ее лица выглядят резкими.

— Кэйтelin, в машину. У нас нет на это времени.

Я понимаю, что мама ведет себя так, потому что она любит меня и заботится обо мне и хочет, чтобы у меня было то, чего никогда не было в ее детстве: безопасность. Именно поэтому я никогда не отказывалась следовать ее правилам; я просто обходила их. И да, мне по-прежнему приходилось иметь дело с ее паранойей, но я могу сказать, что она изо всех сил старается оградить меня от нее. Так что я не возражала против запрета на социальные сети и того, что каждый новый знакомый должен получить ее одобрение.

В конце концов, мне кажется, я ко многому легко отношусь, но угонять машину соседа? Это настолько неправильно, что пересиливает потрясение, до этого заставлявшее меня молчать.

— Мы не можем просто так забрать машину мистера Гиллори. Почему мы не можем поехать на нашей? Или, еще лучше, зачем нам вообще уезжать?

— Мы позаботимся о том, чтобы вернуть ее, но...

---

⁴ Спортивный клуб по американскому футболу.

У меня за спиной раздается вой сигнализации. Из нашего дома.

Вытаращив глаза, мама смотрит мне через плечо, и впервые в жизни я слышу, как она ругается. Потом она произносит:

– Мы опоздали.

Дорога

Мы опоздали.

Понятия не имею, что это значит.

Я лишь вижу, что мама выглядит так, будто на нашем пути торнадо. Оглянувшись назад, на наш дом, я замечаю, как кто-то проходит мимо окна спальни на втором этаже.

Я сажусь в машину.

– Пожалуйста, – говорю я неожиданно охрипшим голосом. – *Что происходит?*

Вместо ответа мама выезжает со двора, обращая больше внимания на зеркала, чем на дорогу впереди. Обернувшись, я вижу, как темная фигура выпрыгивает на улицу со двора мистера Гиллори. Она пускается бежать за нами.

Мы объезжаем припаркованную машину, а затем нас выносит на тротуар – сделав резкий поворот, мама с трудом справляется со старой машиной, у которой нет усилителя руля.

– Пристегнись.

У меня так сильно дрожат руки, что пристегнуть ремень удается только с третьей попытки. Какая-то машина, которую я не заметила раньше, врезается в нас, и моя голова ударяется об окно так сильно, что перед глазами вспыхивают искры. Я моргаю, оглушенная болью, осколки стекла дождем сыплются на меня. Та машина отстает от нашей – то есть от машины мистера Гиллори, – раздается скрежет металла, и картинка снова обретает четкость.

– Ты в порядке? Кэйтelin, ответь мне! – Машину разворачивает, когда мама резко тормозит, а затем снова включает первую передачу.

– Я в порядке.

На самом деле, конечно, нет. Еще никогда в жизни я не была настолько не в порядке. Несмотря на то что через несколько минут мы теряем из виду другую машину, мама то и дело бросает быстрые взгляды на зеркала – от попыток уследить за тем, куда она смотрит, у меня начинает ужасно болеть голова. Я больше ничего не говорю – даже когда двадцать минут спустя она заезжает на парковку у аптеки «Walgreens».

– Вернусь через восемь минут. Не двигайся.

И она оставляет меня одну. Я вижу, как она проходит мимо десятка машин, затем резко останавливается, опирается на капот белого минивэна. Ее тошнит. Потом она выпрямляется и заходит в магазин.

Оглушенная, я чувствую, как из десятков мелких порезов на руках сочится кровь. Сбоку по голове стекает что-то теплое. Я касаюсь этого места, потом смотрю на пальцы и едва успеваю открыть дверь, прежде чем стошнить.

Безуспешно попытавшись закрыть помятую дверь, я просто сижу и смотрю в никуда, совершенно не веря в происходящее. Я как раз собираюсь попробовать разобраться с дверью еще раз, когда вижу, как мама выходит из магазина с плотно набитыми пластиковыми пакетами в руках. Она направляется не к своей двери, а к моей, и легко распахивает ее. Затем она просовывает руку мне за спину и помогает мне выбраться из машины, тщательно стараясь не запачкаться в моей рвоте. У меня кружится голова, но, по крайней мере, меня больше не тошнит.

В свободной руке у нее связка ключей. Она поднимает ее, и неподалеку раздается писк отключенной сигнализации. Мама подводит меня к пассажирскому сиденью своей новой машины – серебристого цвета – и пристегивает меня. Прежде чем закрыть дверь, она на секунду застывает, явно глядя на кровь, накапавшую на мое плечо.

– С тобой все будет в порядке, – говорит она, резко дернув подбородком, но, когда она загружает пакеты на заднее сиденье, их шорох вызывает дрожь.

Я понимаю, что ужасно далека от состояния, которое называется «в порядке» – особенно когда замечаю огромный запас протеиновых батончиков и бутылок с водой, а также столько

наборов первой помощи, что хватило бы открыть больницу. Мама забирается на водительское сиденье.

– Мы угнаем еще одну машину, – произношу я. Наверное, у меня шок. Иначе я вряд ли смогла бы произнести это настолько спокойно. – Машину покупателя, которого мы даже не знаем.

– Нет, – поправив зеркала, она выезжает с парковки. – Не покупателя, а сотрудника.

Прежде чем я успею спросить, какая разница, она поясняет:

– Обычный покупатель выйдет из магазина намного раньше, чем человек, который должен сначала закончить смену. Надеюсь. Мне нужно по крайней мере два часа, прежде чем он сообщит об угоне.

Я чувствую, как леденеют руки.

– Я не… – Зубы начинают стучать. Включив печку, мама направляет поток теплого воздуха на меня.

– Кэйтelin, прости меня, – она делает глубокий вдох. – Я даже не знаю, с чего начать.

Я слушаю ее, а картины произошедшего тем временем проносятся в моей голове: кто-то вломился в наш дом. Мы угнали машину.

– Но я позабочусь о твоей безопасности.

Кто-то попытался вытолкнуть нас с дороги. Мы угнали еще одну машину.

– Мне нужно, чтобы ты в точности делала, что я скажу, и я обещаю, что все будет хорошо.

– Мама, кто были эти люди, и почему они… – От воспоминания о том, как в нас врезалась другая машина, меня пробирает дрожь, словно мне за шиворот вылили холодную воду. – … Погнались за нами?

От разговора гудит голова, но я знаю, что, если я не задам эти вопросы, будет еще хуже.

Я вижу, как каждое мое слово заставляет ее морщиться.

– Я объясню все, что смогу, но я не могу объяснять и вести машину одновременно. Прямо сейчас мне нужно доставить нас в безопасное место, а потом все обдумать.

Она смотрит на меня.

– Пожалуйста, Кэйтelin.

Я хотела бы позволить ей это, но не могу.

– Мне стоит бояться?

Я ожидаю, что она скажет «нет».

– Я не позволю никому тебе навредить.

Она замолкает, и мне кажется, что проходит целая вечность.

– И я люблю тебя сильнее, чем кто-либо.

От головной боли мне трудно ясно мыслить.

– Мы участвуем в какой-то программе защиты свидетелей?

Она знала, что пора уходить. Она умеет угнать машины так, чтобы ее не поймали. Она больше не дрожит.

– Мама? Откуда ты знаешь, как все это делается?

Она отвлекается от контроля за зеркалами, чтобы посмотреть на меня.

– Нет, мы не в программе по защите свидетелей. Я допустила ошибку, когда была младше, и мне пришлось научиться всему этому.

Я допускаю ошибку, повернувшись на сиденье, чтобы посмотреть назад, – и от головной боли мне кажется, будто машина кружится вокруг меня. На целую минуту мне приходится сосредоточиться на дыхании, и только тогда я снова обретаю способность говорить.

– Ошибку? Какую ошибку?

– Ошибку, от которой я больше не могу убегать.

Укрытие

Через несколько часов я уже даже не понимаю, в каком мы штате. Мама сворачивает к придорожному мотелю, за которым простирается бересковая роща. Здание выглядит совершенно непримечательно за исключением мигающего неонового указателя с изображением девочки, ныряющей в бассейн. Мотель достаточно удален от любых населенных пунктов, чтобы казаться пугающим даже без учета обстоятельств, которые нас сюда привели. Ближайший признак цивилизации – крошечный торговый центр, мимо которого мы проехали, находится примерно в полутора километрах отсюда – судя по вывескам, там были ломбард, секонд-хенд и заправка, на которой работала только одна колонка. Пригладив волосы, мама смотрится в зеркало заднего вида, проверяя, как выглядит помада, а затем вылезает из машины и велит мне оставаться на месте.

– Твоя рубашка, – говорю я, и она замирает, открыв дверь. Посмотрев вниз, она замечает кровь на плече. Это я запачкала ее, когда мы пересаживались в другую машину у «Walgreens».

Она вытаскивает заколки, удерживавшие ее прическу, и тщательно укладывает на плечо длинные темно-рыжие волосы. Затем уходит, скрывается в помещении администратора и возвращается через несколько минут с ключом от пятого номера.

От потока холодного воздуха из кондиционера у меня снова начинают стучать зубы, и я позволяю маме отвести меня к кровати и усадить на бледно-розовое покрывало. Шторы уже задернуты, но она поправляет их снова, а затем вешает на ручку двери снаружи табличку «Не беспокоить».

Затем она снова уходит, но быстро возвращается с моим рюкзаком, своей спортивной сумкой и пакетами, добытыми во время восьмиминутного визита в аптеку. Доставая различные средства первой помощи, она заговаривает со мной. Промывает порезы на моих руках, а затем переходит к голове. Теплые пальцы осторожно касаются источника боли у моего виска.

– Я не могу отвезти тебя в больницу. Мы сделаем все, что можно сделать своими силами. Порез неглубокий, но я не смогу его зашить, так что, скорее всего, останется шрам.

Ее пальцы придвигаются чуть ближе к линии волос.

– Голова кружится?

– Не так сильно, как раньше.

– Хорошо.

Еще через пять минут она снова присаживается рядом со мной и подносит руку ко рту,кусая ноготь большого пальца – такой знакомый жест в такой немыслимой ситуации, что я чувствую комок в горле.

– Возможно, у тебя сотрясение.

Однажды со мной уже было подобное – когда я упала с дерева. На этот раз я чувствую себя еще хуже.

– Ты обещала объяснить. Мам…

– Прекрати. – Она резко выпрямляется. – Нет времени объяснять тебе все. Мне нужно избавиться от этой машины и…

– Тогда объясни мне часть. Хоть что-то.

Она не хочет говорить ничего, это очевидно, но она все же начинает отвечать – возможно, потому, что кровь сочится из моих порезов буквально у нее на глазах.

– Я скрывалась очень долго, еще до того, как у меня появилась ты.

– Папа знал?

Она медлит, словно ответ может дать больше, чем она хочет.

– Он… Нет, он не знал.

Кровать проседает, когда она опускается на нее рядом со мной.

– Я была осторожна, всегда была осторожна. Иногда я почти верила, что они больше не ищут... – Она обрывает себя, не договорив фразу. – Но теперь все иначе. Нам не скрыться. Они знают, как мы выглядим, где мы живем...

Потому что я показала им. Вот чего она не произносит вслух. Я создала профиль на сайте знакомств, с фотографией, где мы стоим на фоне нашего дома – в который они потом вломились. Номер дома не был виден на фото, только дерево и край здания. И я даже не использовала ее полное имя. Но кто-то нашел нас. Меньше чем через два часа после того, как я разместила пост.

Это невозможно. Нельзя отыскать человека так просто и быстро, правда же?

Кажется, меня снова вот-вот стошнит.

Она снова поправляет мои волосы, откидывая их назад – осторожно, не делая резких движений.

– У тебя сотрясение, поэтому тебя нужно будить каждый час. Так что я поставлю будильник на телефоне.

Она тянется к другой сумке, достает из нее одноразовый мобильник и кладет его мне в ладонь. Я пытаюсь вернуть его.

– Почему ты не сможешь просто сама разбудить меня? – Она не отвечает сразу, и я сжимаю ее предплечье свободной рукой. – Мам?

Она вздрагивает.

– Потому что мне надо идти.

Она высвобождает руку.

– Слушай внимательно. Тебе нельзя выходить из этой комнаты, что бы ни случилось. Не открывай дверь. Не выглядывай в окна. Не пользуйся местным телефоном. Не отвечай, если он зазвонит. Не совершай исходящих вызовов с мобильника.

Поколебавшись, она выдергивает телефонный шнур из стены. Даже если бы я собиралась нарушить ее приказы – а я не собиралась, – она лишила меня возможности выбора.

– Это только на несколько дней. Я позвоню тебе, как только смогу.

Я смотрю на нее.

– Серьезно, ты оставишь меня здесь? Почему мы не можем пойти в полицию?

– Потому что полиция не может нам помочь!

Ее голос внезапно звучит так громко, что я отшатываюсь.

Уже мягче она поясняет:

– Прости, но времени больше нет. Нас ищут прямо сейчас. Вспомни, как быстро они нас нашли по тому профилю на сайте. Вероятно, они уже добрались до машины мистера Гиллори, а значит, совсем скоро они найдут и эту.

Она показывает себе за спину – на серебристый автомобиль, припаркованный снаружи.

– Мне нужно идти, и ты не пойдешь со мной. Тебе нельзя.

Я чувствую, как дрожат губы.

– Ты не можешь меня просто так оставить. Ты ничего мне не рассказала. Почему мы прячемся? Кто гонится за нами? Где ты научилась угонять машины?

Она молчит, снова осматривает комнату, задергивает шторы еще плотнее, смотрит куда угодно, только не на меня.

– Пожалуйста, возьми меня с собой, – произношу я. Но умолять ее бесполезно – как обычно. Не важно, о чем я прошу – пойти спать на час позже или поехать куда-то с друзьями, чью машину она не проверяла. Теперь ее паранойя начинает казаться пугающе оправданной и при этом заразной.

– Нет, здесь ты будешь в безопасности, если сделаешь все так, как я говорю. Поняла?

Пока я поняла только то, что мама врала мне всю жизнь.

– Если ты уйдешь, разве я буду в безопасности? Я же *ничего* не знаю!

Она останавливается, потому что эти последние слова я почти выкрикиваю, и смотрит прямо на меня – впервые за последние несколько минут. Ее взгляд обращается сначала на мою забинтованную голову, затем на капли крови на моей рубашке. Ее пальцы слегка дергаются, и не в силах сдержаться она делает шаг ко мне. И вот мама уже обнимает меня и гладит по голове.

– Если бы был какой-то другой способ, я бы им воспользовалась. Я совершила ошибку. Когда придет время, за нее заплачу я – не ты.

Она отстраняется, чтобы встретиться со мной взглядом, не выпуская меня из рук.

– И если бы я не считала, что ты достаточно сильная и достаточно умная, чтобы тебя можно было оставить… – Она поднимает взгляд и смаргивает слезы, прежде чем снова посмотреть на меня. – Прямо сейчас ты должна быть сильной. Мы обе должны быть сильными. Я понимаю, ты испугана и растеряна, но на счету каждая секунда. Скажи мне, что ты это понимаешь, Кэйтelin.

Произнося мое имя, она слегка встряхивает меня.

Последние несколько часов я была настолько погружена в собственный страх, что мне и в голову не приходило – она тоже боится. Она никогда не выглядела настолько испуганной, как я. Она принимала каждое решение без малейших сомнений, она действовала быстро и эффективно. Но сейчас, оказавшись рядом с ней, я чувствовала, как она дрожит, как холодны ее руки, лежащие на моих плечах, и понимала, что страх пожирает ее так же, как и меня. Возможно, даже сильнее, потому что она думала не только о себе, но и обо мне.

Всегда.

Каждое решение. Каждое правило. Каждый безумный параноидальный поступок. Она защищала меня, готовила меня.

К этому.

Голова болит слишком сильно, чтобы кивнуть, но я озвучиваю правду, которую ей нужно услышать:

– Я понимаю.

Мама стискивает мои плечи, ее подбородок вздрагивает, а потом она подавляет эмоции и выпрямляется.

– Комната оплачена, и у тебя достаточно еды и воды по меньшей мере на неделю, но все это кончится раньше. – Она продолжает говорить, повторяя правила, о которых уже мне рассказала, и я понимаю, что она не хочет оставлять меня так же сильно, как я не хочу ее отпускать.

– Ладно, – перебиваю я ее. – Я останусь тут, не буду ни с кем контактировать, я не… не испорчу все на этот раз. – Я пристально смотрю на одноразовый телефон, не рискуя поднять взгляд на нее. – Как только ты уйдешь, я позвоню Регине, чтобы она заменила меня на работе, и завтра я должна была встретиться с Кармель, чтобы подготовиться к контрольной по истории, к понедельнику…

– Нет, тебе нельзя никому звонить. – Ее пальцы впиваются в мое плечо. – Вообще никому. Они нашли нас по фото. *По фото*. Будь уверена, они следят за всеми, кого мы знаем.

– Но я потеряю работу, и я обещала Кармель, что мы вместе повторим про Варфоломеевскую ночь. Она постоянно забывает, кто такие гугеноты, и… и… – Я путаюсь в словах, пытаясь выговорить их как можно быстрее, чтобы она поняла. Я не могу просто исчезнуть. Мы наконец-то задержались на одном месте достаточно долго, чтобы люди начали переживать, если однажды я просто пропаду. А как же Эйден? Он будет ждать меня у библиотеки, там, где мы всегда встречались. Если я не приду, он решит, что это и есть мой ответ, что я для него важна, а он для меня – вовсе нет.

Я разобью ему сердце, а я этого не хочу. Я ничего этого не хочу.

Я чувствую, как дрожат губы, а затем мама снова обнимает меня.

– Прости, я не хочу, чтобы ты проходила через это, и я все исправлю. Обещаю, я все исправлю.

У меня сдавливает горло. Я задаю вопрос, который никто, никогда не должен задавать своей матери:

– Что, если что-то случится с тобой?

Она молчит так долго, что я начинаю слышать, как бьется мое сердце.

Она открывает рот, закрывает его, потом открывает снова.

– У меня больше нет выбора.

Затем она обнимает меня, прижимает к себе, и от этого меня снова начинает мутить, но я так же крепко обнимаю ее в ответ.

– Просто скажи мне... кто тебя преследует? – спрашиваю я, когда она идет к двери.

Она останавливается, уже взявшись за дверную ручку, и, хотя мне не видно ее лица, я догадываюсь, что она отвечает, крепко зажмутившись:

– Что бы ни случилось, пожалуйста, помни, что я люблю тебя.

Выход

Мама не звонит.

На первый день я убеждаю себя, что у нее могло найтись множество причин задержаться. Может, возникли проблемы с машиной. Может, она потеряла телефон или у него села батарейка. Может, то, что ей нужно было сделать, заняло больше времени, чем она рассчитывала.

Могло случиться миллион вещей, еще не означающих, что случилось нечто плохое.

Но все же... может быть, она ранена.

Может быть, они нашли ее.

Может быть, они убили ее.

Я не сплю.

* * *

На второй день я больше не могу врать себе. Мама должна была позвонить. Она могла скрывать от меня что угодно, но не свою любовь. Она бы никогда не оставила меня вот так, одну, на несколько дней. Значит, у нее не было выбора.

Потому что ее ранили.

Потому что ее нашли.

Потому что ее убили.

Я обгрызаю все десять ногтей. Я не останавливаюсь, даже когда пальцы начинают кровоточить.

Я раскачиваюсь взад-вперед, сидя в углу кровати.

* * *

Посреди ночи я разбираю телефон на части. Я не спала два дня, и мне слишком сложно не поддаться желанию сделать хоть что-то, что угодно. Может, в мобильнике что-то сломалось, и поэтому звонок не проходит. Это самообман, но я упорно цепляюсь за него, пока не обнаруживаю, что вокруг меня валяются обломки телефона, а по щекам текут слезы.

* * *

Прошло три дня с тех пор, как я говорила хоть с кем-то.

Три дня.

Большую часть времени я провожу, пытаясь собрать телефон – с какой стати я вообще решила, что смогу вот так вот просто разобрать его и собрать снова? Когда мне удается более или менее придать мобильнику первоначальный вид, я включаю его. Загорается дисплей, звучит приветственная мелодия. Мне хочется швырнуть телефон об стену.

Вместо этого я нарушаю первое маминное правило: выхожу из номера. Я не отхожу далеко, но с каждым шагом мне кажется, будто я на прицеле у тысячи врагов. И все же усталость притупляет панику, и у меня нет другого выбора. Я должна узнать.

Метрах в пятнадцати от входа я замечаю старый таксофон – может, он даже ближе, – но на то, чтобы дойти до него, у меня уходит вечность. Еще больше времени проходит, пока я кидаю в него мелочь и набираю номер своего мобильника. И когда я слышу, как его звонок громко и отчетливо доносится с другого конца парковки – телефон ловит сигнал прекрасно, – у меня подгибаются колени.

Я опускаюсь на колени, не выпуская из рук телефонной трубки, и понимаю:
«Я осталась одна».

* * *

Как только я вхожу в номер, стены словно бесконечно раздвигаются, лишая меня хотя бы того подобия чувства безопасности, которое я ощущала, когда еще верила, что мама вернется.

Что-то случилось, точка. Я не даю своим мыслям идти дальше этого факта. Маме пришлось поменять планы, а значит, и мне придется поменять мои.

Я снова беру мобильник, и уже почти набираю номер Регины, но тут мышцы судорожно сжимаются. Мы с ней собирались встретиться в кафе сегодня днем, а сейчас уже три часа с чем-то, а это значит, что она, наверное, собралась с духом, чтобы прошептать «привет» Эвану, новому помощнику официанта, и тут же сбежала, не дав ему возможности ответить. Держу пари, прямо сейчас она сидит в третьей туалетной кабинке справа, методично разрывая на кусочки квадратик туалетной бумаги, и жалеет о том, что меня нет рядом, чтобы рассказать ей о том, улыбнулся ли он в ответ, какой уголок рта был при этом выше и как он выглядел после того, как она убежала – огорченным или обрадованным.

Он точно был огорчен этим – как и всегда, – а я ведь была так близка к тому, чтобы заставить ее выждать хотя бы секунду и дать ему сказать «привет» в ответ.

Но меня не было рядом. Я не пришла и даже не позвонила. Одноразовый мобильник у меня в руке стал ужасно тяжелым. Мой телефон, тот, который мне пришлось оставить, вместе с большей частью моей жизни, чем я предполагала, без сомнения, разрывался от сообщений и пропущенных звонков от нее и от Кармель.

Эйден.

Я должна была встретиться с ним два дня назад.

Ведь я все жду, что однажды ты просто начнешь игнорировать меня.

Телефон выскользывает из пальцев и падает на пол. Вот что он мне тогда сказал, и получилось, что именно так я и поступила. Я могу представить его лицо, его всегда расслабленную, теплую улыбку, которая постепенно гаснет по мере того, как проходит минута за минутой, а я все не прихожу. Наверное, он тоже посыпал сообщения, чтобы узнать, все ли со мной в порядке.

К этому моменту он, наверное, решил, что его ожидания оправдались?

И я даже не могу связаться с ним, чтобы все объяснить. Не могу связаться с Региной. С Кармель или с кем-нибудь еще. Вот почему мышцы сводят судорога. Я не знаю, что может случиться с человеком, которому я позвоню.

Пусть лучше думают, что я просто свалила.

Забила на нее.

Разбила сердце ему, потому что мне стало все равно.

Обхватив себя руками, я прерывисто вздыхаю.

– Мама, где ты?

* * *

Стены не становятся ближе, как бы я ни старалась мысленно сократить расстояние между ними. Я считаю, сколько шагов от одной стены до другой, это не помогает, но помогает кое-что другое. Сколько я себя помню, у нас с мамой был ритуал, который мы выполняли каждый раз, когда переезжали в новое место. Прежде чем распаковывать вещи или выбирать, кому какая спальня достанется, мы играли в игру, в которой мне нужно было найти выход из каждой комнаты. Когда я была маленькой, нужно было просто указать на окна и двери. Но когда я стала старше, сказать, что я могу выбраться через окно на первом этаже, было уже недостаточно.

Мама заставляла меня показывать, как я доберусь до него, как открою, когда оно непременно застрянет, а потом продемонстрировать, как быстро и тихо я смогу выбраться. Просто на всякий случай.

Мама всегда объясняла, что это в ней говорит скаутское прошлое.

Девочка-скаут, блин.

В этом номере мотеля только две комнаты. В спальне входная дверь и два больших окна, а в уборной есть только маленько оконце над унитазом – откидная форточка с петлями у нижнего края, которые держатся на заржавевших шурупах. От одного взгляда на них у меня начинают болеть пальцы.

Чтобы их открутить, понадобится несколько часов, если у меня это вообще получится. И я не хочу этим заниматься. Я хочу вернуться на кровать, свернуться клубком и спать, пока мама не разбудит меня и не скажет, что все это – плохой сон.

Унитаз скрипит, когда я забираюсь на него, а когда я берусь за шурупы, ржавчина пачкает пальцы. В итоге у меня уходит на это немногим больше часа. Приходится пожертвовать двумя ногтями, прежде чем последний шуруп поддается. Его я оставляю на месте, хотя и наполовину открученным, и возвращаюсь обратно в спальню.

Я не подхожу к кровати, потому что на этот раз поиск выходов совсем не кажется игрой, и спать слишком страшно. Вместо этого я усаживаюсь на пол и принимаюсь рассматривать мамину обручальное кольцо. Папа отыскал его на блошином рынке – обычная аляповатая бижутерия. Я наблюдаю за игрой света в его гранях, и в итоге засыпаю или, точнее сказать, теряю сознание. Мне снится, будто Эйден забирается в окно и мама застает его в моей спальне. Я понимаю, что это сон, потому что она приглашает его остаться на ужин. Я вздрагиваю каждый раз, когда кто-то стучит вилкой о тарелку.

Меня будит резкий звук – на парковке хлопает дверь машины. Спрятав кольцо на цепочке под рубашку, я нарушаю еще одно мамине правило – бросаюсь к окну и отодвигаю штору, чтобы выглянуть наружу. Тонкую занавеску я не трогаю, так что все, что я вижу, довольно туманно – последний луч солнца как раз скрывается за горизонтом. И все же мне удается понять: человек на водительском сиденье – точно не моя мама. У меня нет времени, чтобы обдумывать острую вспышку разочарования, потому что мамина паранойя пропитала меня насекомым. Как будто я впервые увидела мир вокруг по-настоящему.

Последний человек, помимо мамы, которого я видела за последние дни, пытался на нас наехать.

Сейчас я могу думать только об одном: теперь опасность отделена от меня лишь тонким оконным стеклом.

В горле встает комок, и мне хочется провалиться сквозь землю. Я больше не могу делать вид, что она вернется за мной, что мне не придется защищаться, потому что она возьмет это на себя. Что-то в ее плане пошло сильно не так. Комок в горле набухает, но я заставляю себя проглотить его. Я знаю, что она сказала бы, если бы была со мной рядом в этой комнате. Так что я стараюсь дышать ровнее и думать. Я принимаюсь двигаться еще до того, как осознаю, что именно собираюсь делать.

Схватив стул, я подтаскиваю его к двери, чтобы заблокировать ее. В качестве барьера он даст лишь несколько секунд, но если кто-то станет ломиться в дверь номера, мне нужно любое преимущество, которое я смогу получить. Мне хочется навалить туда еще больше стульев, построить из них целую гору между мной и тем, кто снаружи, но никакое количество мебели меня не спасет, если я буду еще здесь, когда этот человек войдет. Мне уже кажется, будто с момента, когда хлопнула дверь машины, прошла вечность.

Зайдя в ванную, я чувствую себя в большей безопасности, хотя на это нет никаких оснований. Находясь здесь, я выиграю еще несколько секунд. Ему придется меня искать.

Встав на туалетное сиденье, я берусь за шуруп, который оставила не до конца открученным, и буквально через один оборот он падает мне в ладонь. Сняв форточку, я кладу ее рядом с раковиной и выглядываю наружу, чтобы убедиться, что там никого нет. Подтянувшись, я исполняю трюк в духе Гудини, пытаясь прятиснуться в проем. Я не такая стройная, как мама, так что застреваю почти сразу же.

Я лихорадочно размахиваю руками, пытаясь ухватиться за что-нибудь и представляя, как кто-то вломится в комнату и обнаружит меня таким виде. Но страх – отличный стимул. Я ерзаю в проеме и выдыхаю, стараясь, чтобы в легких не осталось ни грамма воздуха. Джинсы цепляются за раму окна, и я слышу треск, а потом шиплю от боли, когда бедро цепляется за острый край. Но я не останавливаюсь. Напротив, я удваиваю усилия.

Кто-то уже у двери. Я слышу, как поворачивается ручка – сначала мягко, затем с усилием.

Упираясь руками в наружную стену, я отталкиваюсь от нее как можно сильнее. Еще сильнее. Выбравшись на свободу, я падаю вниз с высоты в пару метров на потрескавшийся асфальт. С локтей и бедра капает кровь, но я едва замечаю боль. Дверь пятого номера трясется, а затем я слышу громкий «бум!». Кто-то вышибает дверь, и треск отдается во всем здании. Задыхаясь и чувствуя, как сердце едва не вырывается из груди, я вскакиваю на ноги и пускаюсь бежать.

Попытка скрыться

Асфальтовая площадка позади мотеля идет по склону, к канаве, и я скользжу вниз, пытаясь затормозить, а затем приземляюсь в густой бересовой роще. Одежда и волосы на бегу цепляются за неровную кору, замедляя мой бег. И я не могу заставить себя затаиться. Дыхание становится сдавленным и прерывистым. *Помогите.*

Земля мокрая и скользкая после прошедшего ночью дождя, поэтому я постоянно поскользываюсь. Каждый раз, поднимаясь на ноги, я уверена, что увижу человека, который гонится за мной, но я едва могу разглядеть хоть что-то. Солнце заходит быстро, и все, что дальше трех метров от меня, сливается в мутную лесную тьму.

Перебравшись через поваленное дерево, я падаю на землю, прижавшись боком к неровной коре. Я заставляю себя затаиться, но мое тело не хочет подчиняться. Легкие горят, а сердце колотится, и я безуспешно пытаюсь заставить себя дышать только носом.

Потом я слышу. С той стороны, которая не прикрыта поваленным деревом, кто-то движется через лес.

Быстрее меня.

Ужас сжимает мое сердце холодной рукой, и его хватка становится все сильнее и сильнее по мере того, как приближаются шаги.

Мне приходится приложить максимум усилий, чтобы не помчаться вперед, продираясь сквозь деревья, словно за мной гонится сам дьявол. Сильнее всего на свете я хочу броситься бежать. Это побуждение настолько сильное, что мне приходится постоянно думать о том, чтобы расслабить напряженные мышцы. Я ползу на животе вокруг упавшей бересовы, высматривая впереди веточки, которые могут с треском сломаться под моим весом. Оказавшись на другой стороне, я снова заставляю себя выждать. Когда шаги становятся громче, я зажмуриваюсь. Пройдя мимо меня, они снова стихают, углубляясь дальше в лес.

Мой взгляд мечется вокруг. Справа темно, но я замечаю, что слева деревья редеют.

Может быть, там открытое пространство, где преследователь легко подстрелит меня, наблюдая из леса.

Может быть, там овраг, и я сломаю шею, не успев даже различить, где край.

Может, я уже схожу с ума, и деревья вовсе не редеют.

Если я побегу в ту сторону, через несколько секунд я окажусь на виду, и я не хочу рисковать своей жизнью, выясняя, что находится по другую сторону этих деревьев. Но прятаться в лесу, распластавшись на земле, я тоже больше не могу.

Дыхание снова становится прерывистым, когда у меня возникает идея. Хорошай ее не назвать, но было бы еще хуже остаться в лесу – или в неизвестности, которая лежит за ним – и попасться кому-то более быстрому. А реальность такова, что я ставлю на кон свою жизнь – что бы я ни делала. Так что я выбираю более надежную ставку.

И поворачиваю обратно к мотелю.

Я даю волю инстинкту бегства, быстрыми шагами перемещаясь от дерева к дереву, замирая у каждого ствола, чтобы прислушаться, ожидая услышать преследователя, который, как я надеюсь, удаляется в противоположную сторону. Но я слышу лишь шум крови в ушах, и двигаюсь так, словно мне в затылок дышат всеочные кошмары.

И ради чего? Возможно, я направляюсь к другой угрозе, к той, которая терпеливо ждет моего возвращения. Этот парализующий страх мне приходится придушить в зародыше.

Я возвращаюсь к мотелю, потому что ничего не знаю о тех, кто за мной гонится. Я ничего не знаю о том, где мама и что она задумала. Я ничего не знаю о том, почему мне приходится спасаться бегством. Но я знаю, что перед моим номером припарковалась машина и водитель знал, где меня найти. Возможно, в засаде поджидает кто-то еще – сообщник, готовый схватить

меня или сделать что-то похуже. Но в машине может найтись и то, что приведет меня к маме и к ответам, которые мне нужны. В конце концов, может, мне удастся пробраться в комнату и забрать свой рюкзак. В этот момент мне хочется верить, что выигрыш перевешивает риск.

Когда я добираюсь до границы леса и в поле зрения появляется мотель, на меня обрушивается новая волна ужаса, но у меня нет времени на сомнения. Я разжимаю пальцы, крепко вцепившиеся в кору дерева, и выхожу на открытое пространство.

К счастью, кругом предостаточно теней, в которых я могу скрываться по пути. Я направляюсь к машине, стоящей перед пятым номером – это темно-синяя «Хонда Аккорд» со стикерами музыкальных групп на бампере и парковочным абонементом штата Пенсильвания на лобовом стекле. Невинно выглядящая машина пугает меня еще сильнее, чем напугал бы черный бронированный джип, который я ожидала увидеть.

Я подхожу к водительской двери, чувствуя, что сердце вот-вот взорвется от напряжения. Подголовник сплошной и высокий, так что мне не видно, не видно...

Машина пуста. Наклонившись вперед, я прислоняюсь к ней, обмякнув от облегчения. Затем я смотрю на выбитую дверь в мой номер. Дерево вокруг замка треснуло, а цепочка валяется на ковре внутри. И страх нарастает снова, опутывает мои лодыжки, колени, живот, подбирается к горлу.

О чём я вообще думаю? Я собираюсь залезть в машину человека, который выбил мою дверь, который гнался за мной по лесу, и который, вполне вероятно, пытался вытолкнуть нас с дороги три ночи назад.

Отмычки у меня нет, а даже если бы и была, я не сумела бы ей воспользоваться. Зато у меня есть внушительный камень и никаких переживаний насчет причинения ущерба чужой собственности. Я пытаюсь решить, как далеко нужно отойти, когда мне приходит в голову еще одна мысль. Я протягиваю руку и дергаю за ручку двери.

Она открывается.

Я забираюсь внутрь, не закрывая дверь до конца. Нужно быть готовой быстро сбежать, если снова понадобится спасаться, так что я не собираюсь тратить время на возню с дверью. Мне приходит в голову, что можно выбраться наружу и спрятаться под машиной, дожидаясь, пока вернется водитель. Но у этого замысла множество недостатков – например, ничто не помешает ему просто переехать меня, если он сдаст назад и увидит, что я прячусь под его тачкой. Отогнав эту картину прочь, я принимаюсь обыскивать машину.

Я откидываю оба солнцезащитных козырька, и мне на колени высыпается куча билетов на концерты. На приборной панели валяется множество мелких монет и несколько окаменевших кусочков картошки фри. Наклонившись вперед, я открываю бардачок и обнаруживаю там кучу салфеток из закусочных, пару перчаток и свидетельство о регистрации, из которого следует, что машина принадлежит Малькольму Пайку.

Ничего о маме. Ничего компрометирующего. Я резко захлопываю бардачок.

Донесшийся сзади стук заставляет меня подавить всхлип. Вскочив, я резко разворачиваюсь. Но никого не вижу.

Затем стук раздается снова, и у меня скручивает живот.

В багажнике кто-то есть.

Уклонение от опасности

Я вылетаю из двери, чуть не споткнувшись о собственные ноги. Мама. Это должна быть мама. Прежде чем метнуться к багажнику, я снова бросаюсь к водительскому сиденью. Где-то должен быть переключатель. Наполовину забравшись в машину, я нахожу его на приборной панели, нажимаю и, обернувшись, замечаю, что багажник открыт. Бросившись к нему, я открываю крышку.

Я высоко вытягиваю руки над головой, ощущая лишь отчаянную и хрупкую надежду найти маму, и оказываюсь совершенно не готова к тому, что меня пинают прямо в грудь обеими ногами. Удар сбивает меня с ног и оказывается настолько сильным, что у меня перехватывает дыхание. Я падаю на землю, и моя голова с глухим стуком ударяется об асфальт. Слезящимися глазами я вижу, как обитатель багажника перекидывает через край связанные ноги и падает на землю рядом со мной.

Я не могу ни вдохнуть, ни пошевелиться, а голова болит так, словно ее ошметки раскидало по всей стоянке. Наконец мне все же удается со всхлипом втянуть воздух в опустевшие легкие. Перекатившись на живот, я поднимаюсь на четвереньки. Хватаю выпавший из кармана телефон, ругаюсь, заметив, что экран разбился, и тут же снова убираю мобильник в карман. Сердце бешено колотится, и голова раскалывается от боли. Впервые я получаю возможность как следует рассмотреть того, кто находился в машине.

Это худой темнокожий парень в худи и обтягивающих джинсах. У него во рту кляп, а руки связаны за спиной. Бровь у него рассечена, хотя непонятно, когда это случилось – когда его запихивали в багажник или когда он выпал из него. Он щурится в лучах заходящего солнца и дергается, безуспешно пытаясь освободиться. Из положения, в котором он лежит, ему меня не разглядеть, и я догадываюсь, что он, вероятно, не разобрался, кому пытался вколотить грудину в позвоночник. Думаю, он видел лишь силуэт.

Наверное, он принял меня за человека, который его туда засунул.

– Все в порядке, – выдыхаю я, чувствуя, что легкие еще не вполне оправились от произошедшего. – Я не... Он в лесу, но он может вернуться в любой момент, так что нам нужно торопиться.

Я перемещаюсь вперед, кладу руку ему на спину, чтобы он понял, что я здесь, потому что ему так и не удалось перевернуться и разглядеть меня. Руки у него крепко связаны за спиной толстой пластиковой стяжкой, и я понятия не имею, как ее можно снять. Я опасаюсь дергать ее слишком сильно, потому что кожа вокруг нее исцарапана и кровоточит, свидетельствуя о том, как отчаянно парень пытался освободиться. Его лодыжки связаны стяжкой покрупнее.

Кожа между лопаток начинает зудеть; за спиной может оказаться кто угодно. Я должна убежать, извинившись, что не смогу помочь. Мама по-прежнему где-то пропадает, и она по меньшей мере в такой же опасности, как и я, если не в большей.

Но я не убегаю, вместо этого я начинаю осматривать землю в поисках каких-нибудь острых камней, которыми можно будет разрезать стяжки.

Зуд между лопаток превращается в резкую боль, словно в спину вцепляются когти.

– У тебя нет ничего острого? Может, перочинный нож?

Не дожидаясь ответа – впрочем, он все равно не смог бы его мне дать, потому что у него во рту кляп, – я обшариваю его задние карманы. Я нахожу его бумажник и сложенное фото, которое падает на землю рядом со мной. Больше ничего.

Я не могу оставить его тут. Но и остаться не могу.

Мой взгляд мечется по сторонам в поисках решения. Я подбираю его кошелек, и тут мой взгляд падает на фото. Я разворачиваю его и застываю, как громом пораженная.

Это наша с мамой фотография, которую я разместила на сайте знакомств. Но это не распечатка, а настоящее фото. То, которое висело в рамке у нас дома, над лестницей. Я точно это знаю, потому что рамка была слишком мала, и я воспользовалась единственными ножницами, которые нашла в доме – мамиными зубчатыми ножницами для рукоделия, чтобы обрезать снимок. Я провожу пальцами по волнистому краю, и мне кажется, будто меня снова ударили в грудь.

По-прежнему стоя на четвереньках, я отодвигаюсь в сторону, чтобы оказаться в поле зрения связанного человека. Один глаз у него заплыл, но другой широко раскрывается, когда он видит мое лицо. Заметив, что он узнал меня, я отскакиваю назад.

Он пытается что-то сказать, но кляп очень тугой. И это неважно, потому что меня поглощает одна мысль: *«Он знает меня»*.

Он был у меня дома.

Безуспешно пытаясь пододвинуться ко мне, он снова и снова издает одни и те же приглушенные кляпом звуки.

Зубы стискиваются словно сами собой. Я никогда не ощущала такого яростного желания кого-то ударить. Я раньше никогда не понимала, что имеют в виду, когда говорят, что «кровь кипит от ярости», но сейчас это выражение подходит идеально. Меня обжигает снаружи и изнутри, и я готова выцарапать его дергающийся глаз.

– Где моя мама и почему вы гонитесь за нами? – Мои губы едва двигаются, когда я бросаю ему эти вопросы. – Откуда ты меня знаешь?

Прижатые к телу кулаки сжимаются все сильнее. Но, конечно, он не может ответить мне, потому что у него во рту кляп. Он едва двигается, потому что его запястья и лодыжки туго стянуты.

Я бросаю взгляд в сторону леса. Понятия не имею, сколько прошло времени – может быть, несколько секунд, а может быть, и несколько минут. Но я понимаю, что этот парень – единственная нить, которая у меня есть, и, пока он связан, он не сможет мне навредить.

– Давай, – командую я, подползая к нему и обхватывая его рукой за спину. Я заставляю его сесть, затем встать на колени. Все это время он пытается кричать сквозь кляп.

– Сейчас я не собираюсь тратить время на твой кляп.

Это не просто лента, которую я могла бы сорвать, – это туго завязанный кусок ткани, который придется срезать.

– Теперь шевелись! – я говорю с той же интонацией, как мама, когда убеждала меня выйти из дома. Это срабатывает. Качнувшись назад на пятках, он выпрямляется. Он выше и тяжелее, чем я, но он пойдет со мной, даже если мне придется его тащить.

И у меня нет времени все подробно обдумывать. Нам нужно убраться из поля зрения, где-то спрятаться, пока тот, кто ищет меня, не решит сдаться и убраться прочь. И тогда я получу свои ответы.

Рядом. Мне нужно спрятаться где-то рядом. Я осматриваюсь, и в мое поле зрения сразу же попадает разгромленный номер мотеля. Я вижу длинное бледно-розовое покрывало, свисающее почти до пола. Я убеждаю себя, что тот, кто выломал дверь, вряд ли станет обыскивать комнату снова после того, как гнался за мной через лес. Это слабое утешение, но на поиск других вариантов уже нет времени. Прошипев еще одно приказание в адрес парня, которому я помогаю держаться на ногах, я захлопываю багажник и дверь машины, а затем тащу это хромающее и дергающееся от боли тело внутрь.

Как только мы оказываемся в номере, я заставляю его встать на колени и толкаю так, что он валится на бок. Почти уверена, что он кроет меня ругательствами, но мне все равно. Скоро это будет уже неважно.

Он слишком тяжел, чтобы я могла его поднять, но он, похоже, наконец понимает, чего я от него хочу, и перекатывается на живот, а затем заползает под кровать. Несколько дней назад

я стала бы переживать, что будет с его плечами, если руки связаны у него за спиной. Теперь я лишь упираюсь ногой в стену, чтобы запихнуть его подальше.

Он оказывается под кроватью – настолько, насколько этого можно было добиться нашими совместными усилиями, затем я быстро забираюсь под кровать с другой стороны. Свисающее покрывало закрывает обзор, и к нам пробивается лишь узкая полоска света.

А потом мы ждем. И я молюсь.

Выжидаeние

Я вспотела после полной ужаса пробежки сквозь лес, множество раз оцарапалась о ветки, от которых не получилось увернуться, а ссадины, полученные во время пробежки и когда я выбиралась из окна, кровоточат. Глаза будто вот-вот выскочат из орбит, и я не уверена, что вообще когда-нибудь смогу успокоиться. Грудь болит, голова раскалывается, и теперь я в считанных сантиметрах от человека, который виноват во всей этой боли – а скорее всего, и много в чем еще.

Под покрывало пробивается немного света, и я вижу неясные очертания его лица. Он по-прежнему пытается что-то выговорить сквозь кляп, и у него выходит что-то вроде шепота.

Я хочу, чтобы он заткнулся. Нам нужно молчать, нужно затаиться. Мы прячемся под кроватью, как дети, и монстр вот-вот появится. В каждом звуке, доносящемся снаружи, мне мерещится его приближение, и непрерывное бормотание, раздающееся рядом со мной, может привести преследователя прямо к нам. Я не могу рисковать, не могу даже шепотом приказать ему быть потише. Просунув руку под животом, я достаю до его плеча, а затем закрываю ему рот рукой. Потом я прижимаю ладонь изо всех сил, насколько это возможно в том маленьком пространстве, которое у нас есть. Покачав головой, я надавливаю еще сильнее. Я догадываюсь, что мои глаза выглядят совершенно безумно, и я позволяю ему их увидеть.

Когда он наконец замолкает, я выжидаю еще полминуты, чтобы убедиться, что он понял, чего я от него хочу, а затем снова прижимаю руку к себе.

Воцарившаяся тишина обрушивается на меня, от нее сводит мышцы и скручивает живот. У меня нет ничего, никакого оружия, чтобы себя защитить, ничего, чем я могла бы нанести удар. У меня даже нет пути отступления, на случай, если понадобится сбежать. Я на дальней стороне кровати – дальше от двери. Если меня заметят, бежать будет некуда. Я не успею снова выбраться через окно в ванной комнате – и я даже не уверена, что смогу пролезть в него еще раз.

Боль в бедре снова дает о себе знать, и я провожу пальцами по расцарапанной коже. Правая штанина джинсов разорвана по всему бедру. Человек рядом со мной дергается, а затем тусклая полоска света, проникающая под кровать, разделяется надвое. Появляется новая тень.

Я не слышу приближающихся шагов. Я не чувствую ничего, кроме собственного ничтожества. Слышал ли меня мой преследователь? Паника опутывает мою грудь, стискивая ее так сильно, что я чувствую вкус рвоты во рту – кислый и резкий, в задней части горла. Как это возможно, что ужас нарастает снова и снова, достигая каждый раз нового пика?

Рядом с кроватью появляются ноги, обутые в сапоги. Те же, что выбили дверь, те же, что гнались за мной через лес меньше часа назад. Человек, который прячется рядом со мной, не может видеть того, что вижу я. Его голова поворачивается в мою сторону, его взгляд мечется, как у дикого зверя. Я протягиваю руку через разделяющее нас пространство, так что наши ладони соприкасаются. Его взгляд тут же перестает метаться, и он смотрит мне в глаза.

Не знаю, почему я это сделала. Чтобы он не нарушил тишину? Чтобы нас не поймали из-за него? Чтобы сдержаться самой? Но я понимаю, что это помогло успокоиться нам обоим.

Сапоги проходят мимо кровати. Их обладатель роется в моем рюкзаке, затем подходит к пакетам, которые оставила мама. Он переворачивает их, один за другим – на полсыпаются протеиновые батончики и бутылки с водой. Он пинает их, а затем опускается на колени, осматривая то, что осталось от набора первой помощи, рассматривает неиспользованные упаковки бинтов и пластыря. Берет в руки флакончик с обезболивающими, проверяет его содержимое, а затем снова бросает его на пол и встает. Бутылочка закатывается под кровать и останавливается у моей лодыжки. От этого у меня сердце уходит в пятки.

Незнакомец безмолвно сжимает мою ладонь. Я отвожу взгляд от сапог, чтобы посмотреть на того, кто лежит рядом со мной. Снаружи почти стемнело, так что единственный источник света – фонари на парковке, но этого хватает, чтобы разглядеть его и чтобы почувствовать, как успокаивает присутствие другого человека.

Я снова убираю руку, кладу ее на бедро и моргаю, чтобы сфокусировать взгляд на сапогах, которые теперь удаляются. Они заходят в ванную, затем возвращаются через несколько секунд. На самом деле он уже ничего не ищет. Он не думает, что я здесь. А с чего бы ему это подозревать? Я по-прежнему в лесу или где-то дальше, я двигалась быстрее, чем он ожидал, а не возвращалась сюда. Здесь остались лишь следы его неудачи.

Сердце бьется неровно – кровь не так горяча, как от ярости, и не такая холодная, какой становится от ужаса. Он не нашел меня и теперь уже не найдет. Он уходит.

Когда снаружи хлопает дверь машины, мы оба вздрагиваем. Несколько секунд спустя заводится двигатель.

Он ушел.

Я в безопасности.

Он ушел.

Я в безопасности.

Парень рядом со мной снова ерзает на месте, пытаясь выбраться из-под кровати, но это крайне сложно. Выбравшись наружу со своей стороны, я подхожу к нему. Теперь уже нет нужды так отчаянно торопиться, так что я помогаю ему выбраться с большей осторожностью. Когда он садится прямо, прислонившись к кровати, я подхожу к тому, что осталось от двери мотеля, и прикрываю ее. Выглядит не очень, но, по крайней мере, это будет бросаться в глаза не так сильно, как отсутствующая дверь.

Я оглядываюсь через плечо на... кого? Пленника? Беглеца? Человека, который, может быть, находится в такой же опасности, как и я, – или нет? Адреналин струился по моим сосудам с тех пор, как впервые хлопнула дверь машины, но теперь я просто измотана, что в сочетании с натянутыми нервами означает, что я не способна действовать так жестко и решительно, как тогда, на стоянке.

А мне это необходимо.

Потому что я собираюсь освободить его от кляпа. И он что-то знает. Возможно, о маме, и уж точно – о человеке, которому пришлось уйти с пустыми руками. Мне просто нужно задать правильные вопросы.

Допрос

Я осторожно приближаюсь к нему; его глаза следят за каждым моим шагом. Когда я опускаюсь на колени перед ним и задерживаю взгляд на его кляпе, я замечаю, как отчаянно он пытается от него избавиться. Уголки рта у него по-прежнему кровоточат – в отличие от засохших ссадин на лице. Помедлив, я поднимаю руки.

Сколько времени уже прошло? Солнце уже село, значит, тридцать минут? Час? У него было время обдумать, что он мне скажет. Достаточно времени, чтобы сказать мне только то, что захочет.

Я откашливаюсь. Я не умею проводить допрос. У меня нет никакого способа проверить, не врет ли он, а он явно будет стремиться сорвать, чтобы заставить меня отпустить его.

Я просовываю руку ему за голову, стараясь не замечать, что кожа касается чего-то мягкого и липкого, и принимаюсь разбираться с узлами.

– Мы оба знаем, что тот человек в сапогах вернется, когда не найдет меня, и он может быть не один. Если я решу, что ты мне врешь хоть в чем-то, я просто оставлю тебя здесь дожидаться его. – Чувствует ли он, как у меня дрожат руки? – Я не собираюсь освобождать тебя. Так что даже не проси. Ответь на мои вопросы, и я обещаю, что позвоню в мотель после того, как уйду, и расскажу им, где тебя найти. – Я дожидаюсь, пока он кивнет, хотя это лишь вежливый ответ на бессмысленное утверждение. Виновен он в чем-то или нет, он ответил бы то же самое. Мне придется убрать кляп.

Когда я снимаю его, у меня самой перехватывает дыхание. Это кусок мешковины, и он присох к уголкам его рта. Когда я отрываю его, там начинает собираться свежая кровь. Но это еще не самое плохое. У него во рту еще больше ткани, целый комок, засунутый ему в горло. Когда я вытаскиваю его, это выглядит как какой-то садистский фокус.

Он втягивает воздух, давится, снова втягивает воздух и лишь затем делает глубокий вдох и начинает говорить. Точнее, пытается. Он кашляет и глотает слону. Я подбираю одну из бутылок с водой, рассыпанных по ковру. Когда я наклоняю ее к его рту, по его подбородку и шее течет порозовевшая вода, пропитывая воротник его серой футболки и темно-синего худи. Сделав несколько глотков, он отстраняется и снова принимается откашливаться, сплевывая на пол кровь и что-то еще… часть зуба? Я пытаюсь сдержать тошноту. Я никогда не видела такой жести, и поэтому меня мутит.

Но все же я заставляю себя отодвинуть эмпатию в сторону. Мама пропала, и меня ищут. Вполне вероятно, ищут люди этого парня.

Он наклоняет голову, чтобы отпить еще воды, и я подаю ему бутылку. Он выпивает половину, прежде чем сделать перерыв.

– Спасибо, – говорит он, голос у него хриплый, и в нем слышится боль, – Кэйтelin.

Рука, которой я держу бутылку, дергается, когда я слышу свое имя. Хотелось ли мне, чтобы он соврал, сказав, что не знает меня и не замешан в этом кошмаре? Возможно, хотелось.

– Кто ты?

– Можно еще воды?

– Нет.

Он напрягает связанные руки, пытаясь высвободиться. Ничего не выходит, но он достаточно умен, чтобы не просить меня помочь.

– Меня зовут Мальcolm Пайк. Я учусь на втором курсе Пенсильванского университета, специализируясь по информатике. По крайней мере, специализировался.

Машина, в багажник которой его запихнули, принадлежала ему.

– Откуда ты меня знаешь, Мальcolm Пайк?

Он смотрит мне прямо в глаза.

– Мне заплатили, чтобы найти тебя. То есть твою маму.

Я встаю, чтобы смотреть на него сверху вниз, чтобы создать впечатление, будто я контролирую ситуацию и мне вовсе не хочется снова спрятаться под кроватью.

– Кто тебе заплатил?

– Эмили Эббот.

– Я не знаю, кто это.

– Твоя мама знает.

– Где моя мама?

– Если бы я знал ответ, меня бы здесь не было.

Мне кажется, будто я задыхаюсь; не показывая этого, я приседаю на корточки перед ним. Вблизи его лицо выглядит еще хуже.

– Я тебе не верю.

– Добро пожаловать в клуб. А ты думала, почему мое лицо так выглядит?

Похоже, он дал кому-то неправильные ответы. Многократно.

– Кто ты?

– Я же сказал. Маль…

– Нет. Кто ты на самом деле? Почему ты оказался в багажнике? Почему ты искал меня? И кто сказал тебе, где меня найти? – Я наклоняюсь поближе. – Кто ты и кто был тот человек?

Он запрокидывает голову, прислонив ее к кровати.

– Это долгая история.

Я встаю, подбираю два куска разорванной дверной цепочки, а затем бросаю их ему на колени.

– Расскажи ее быстро.

Дело не только в том, что наше время уже давно вышло, но и в том, что у меня почти не осталось сил изображать уверенность. Я вряд ли смогу выдержать это долго.

Он смотрит на разорванную цепочку, как будто на ее месте могло оказаться его собственное тело, и, судя по тому, как выглядит его лицо, это примерно так и есть. Он так же насмерть перепуган, как и я. Но это не важно, пока он не расскажет все, что мне нужно знать.

– Тот человек – охотник за головами, который решил, что даст мне сделать всю самую сложную работу, дождется, пока я найду твою маму, а затем сядет мне на хвост, чтобы я привел его к ней, и заберет награду.

Холодный пот скапливается на коже.

– Продолжай.

– Может, сначала уберемся отсюда? Я расскажу тебе все… – Мы оба поворачиваемся к двери мотеля. Сквозь щель в двери рядом с замком виден проблеск света. Он мелькает еще раз, и я понимаю, что снаружи кто-то прохаживается туда-сюда.

А затем мы слышим голоса.

– Отойди оттуда, – говорит женский.

– Думаю, кто-то выбил ее, – отвечает мужской. Он звучит намного ближе к нам. Луч света, пробивающийся в комнату, снова смещается. – Гляди. Видишь след от сапога?

– Ага, вижу, вот поэтому тебе и стоит отойти подальше.

– Думаешь, кто-то там все еще прячется?

– Думаю, мне все равно, – отвечает женщина. Ее голос становится громче, когда она подходит ближе. – Так дадут нам комнату или нет?

– Может, внутри кто-то раненый или умирающий…

– Вот что я тебе скажу, – говорит она. – Можешь провести всю эту ночь, разбираясь с тем, кто прячется в этой комнате, или…

Ее намек очевиден.

– Ладно, но я скажу менеджеру. Может, он даст нам скидку.

– Что ты имеешь в виду – *нам*? – Стук каблуков ускоряется, видимо, она спешит следом за ним.

Я снова поворачиваюсь к Малькольму, и он словно читает мои мысли.

– Если нас найдут в таком виде, тебе придется объяснять намного больше, чем выбитую дверь.

Он пожимает плечами, продемонстрировав мне свои связанные запястья.

Он прав.

И я не смогу объяснить ничего.

Вызовут полицию – какая ирония, что вначале я хотела именно этого, и тогда мама сказала, что в полицию идти нельзя. Я встаю и подхожу к одному из окон. Выглянув в проем между занавесок, я вижу, как женщина направляется к офису администратора.

Обернувшись, я обнаруживаю, что Мальcolm за это время передвинулся к другому окну. Я впечатлена и одновременно напугана тем, что он сумел забраться так далеко, оставаясь связанным. Так что я еще сильнее убеждаюсь в том, что лучше не освобождать его от пут. Но если мы намерены выбраться отсюда, сделать это неизбежно придется.

Я иду в ванную, засовываю пальцы под острую, как бритва, планку оконной рамы – форма которой в точности соответствует порезу на моем бедре – и выламываю ее с одного конца.

Увидев, как я подхожу к нему с острым куском металла в руке, Мальcolm прижимается к стене.

Опустившись на колени рядом с ним, я засовываю руку ему за спину. Угол ужасно неудобный; его плечо впивается мне в грудь. Я перепиливаю стяжки у него на запястьях.

– Как только мы уберемся отсюда, ты расскажешь мне все.

Я не могу подкрепить свои слова угрозой, потому что, как только я его развязжу, у меня вообще не останется аргументов. Пока он растирает запястья, осторожно, старясь не касаться опоясывающих их кровоточащих алых полос, я принимаюсь за стяжки у него на лодыжках.

– Несколько дней, – говорит он, поймав мой взгляд. – Не знаю точно, как долго, но думаю, если бы ты мне не помогла, я бы вряд ли дотянул до четырех.

– А мне не пришлось бы бежать, спасая свою жизнь, если бы ты не указал направление. – Я перерезаю последнюю стяжку у него на лодыжках. – Так что не благодари.

Я оставляю его, чтобы он сам поднялся на ноги, а сама тем временем подбираю с пола все, что выглядит полезным. Запихиваю в рюкзак остатки протеиновых батончиков и столько наборов первой помощи, сколько могу унести. Пакеты из магазина я не беру – мне нужно, чтобы обе руки были свободны.

Беру свой самодельный нож, сделанный из куска оконной рамы, и убеждаюсь, что Мальcolm видит, как я запихиваю его за пояс джинсов.

Он хромает к двери, и я невольно задумываюсь о том, не преувеличивает ли он свои травмы, чтобы я ослабила защиту. Но даже если бы он полз по полу, помогая себе одной рукой, я бы все равно взяла с собой оружие.

Демонстративно положив руку на свой импровизированный нож, я киваю Мальcolmу, чтобы он выходил первым.

Заложник

Когда мы оказываемся снаружи, Мальcolm двигается медленно – слишком медленно. Я держусь по левую сторону, так, чтобы заткнутый за пояс нож из оконной рамы оказался справа и Мальcolmу было бы сложно до него дотянуться. Одной рукой он опирается о мои плечи.

Я решаю, что он не изображает боль. Его лоб покрыт тонким слоем пота, а губы с каждым шагом сжимаются все сильнее.

Я натягиваю капюшон худи ему на голову, надеясь, что, если кто-то подойдет близко, лицо будет разглядеть достаточно сложно. Наклоняюсь поближе, стараясь, чтобы мы выглядели как любая другая парочка – будто мы, пусть немного перепив и спотыкаясь, цепляемся друг за друга и тащимся к нашему номеру. Этот спектакль выглядит жалко, но, по крайней мере, мы не привлекаем внимания тех, кто попадается нам на пути.

Когда мы проходим мимо нескольких номеров, я оглядываюсь через плечо и вижу, как из здания администрации выходят двое мужчин и женщина на очень высоких каблуках. Чтобы понять, кто это, мне не обязательно видеть, как они показывают на комнату, из которой мы уже убрались.

Я безмерно благодарна матери за то, что она зарегистрировалась в мотеле, не упоминая меня. Менеджер даже не обратит внимания на нас с Мальcolmом, а если и обратит, он не увидит связи между нами и номером с выломанной дверью метрах в шести у нас за спиной. И все-таки я стараюсь идти побыстрее, несмотря на то что Мальcolm пытается хрипло протестовать.

Наконец мы заворачиваем за угол мотеля и делаем еще несколько шагов. Я помогаю Мальcolmу сесть, прислонившись к стене, не планируя тащить его дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.